

Совершенно секретно

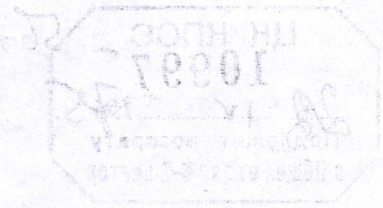
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

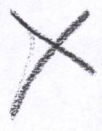
Направляю Вам справку по вопросам, изложенным в прото-
коле Комиссии ЦК КПСС от 25 июля 1956 года.

И. Серов И. СЕРОВ

" 30 " июля 1956 года

№ 1866-С

СПРАВКА

- 1. ~~О встречах за границей троцкистов с СЕДОВЫМ и ТРОЦКИМ (СМИРНОВ И.Н., ПЯТАКОВ, РАДЕК, РОЗЕНГОЛЬЦ, КРЕСТИНСКИЙ и др.)~~ в период после 1928г.

После высылки в 1929 году ТРОЦКОГО из Советского Союза бывш. ИНО ОГПУ-НКВД осуществляло тщательное наблюдение за деятельностью ТРОЦКОГО и СЕДОВА, фиксировало их поездки и встречи. В процессе этого были выявлены многие лица, встречавшиеся с ними в различных странах, однако при этом встреч их с кем-либо из лиц, впоследствии осужденных на процессах 1936-1938г.г., за исключением СМИРНОВА, зафиксировано не было.

Обвинение ПЯТАКОВА, КРЕСТИНСКОГО и других в преступной связи с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ, выражавшейся в частности во встречах с ними за границей, на которых они якобы получали от ТРОЦКОГО и СЕДОВА директивы по активизации террористической и иной враждебной деятельности, основывалось на признаниях подсудимых, в ряде случаев не только не подтвержденных объективными доказательствами, но даже опровергавшихся другими материалами.

Обвинявшийся по делу "антисоветского параллельного центра" ПЯТАКОВ на следствии и в суде показывал, что, находясь в 1931 и 1932 г.г. в служебных командировках в Берлине, он встречался с СЕДОВЫМ, который передавал ему директивы ТРОЦКОГО. По заявлению ПЯТАКОВА, его встречу с СЕДОВЫМ в 1931 году организовал СМИРНОВ И.Н.

ПЯТАКОВ одновременно заявлял и о том, что в 1935 году он имел тайную встречу с ТРОЦКИМ, что для этого он по фиктивному паспорту вылетал на самолете из Берлина и приземлился на

аэродроме близ Осло, откуда направился на дачу ТРОЦКОГО, где и имел с ним двухчасовую беседу.

В связи с опубликованием этих показаний ПЯТАКОВА, ТРОЦКИЙ в своем интервью представителям американской прессы категорически отрицал факт встречи с ПЯТАКОВЫМ, а на другой день норвежское телеграфное агентство опубликовало следующее сообщение:

"ПЯТАКОВ на процессе заявил о том, что он имел беседу с ТРОЦКИМ в декабре 1935 года. Член стортинга Конрад КНУДСЕН, хозяин дома, в котором жил ТРОЦКИЙ, заявляет, что ТРОЦКИЙ в то время выздоравливал после болезни и не принимал никого. Некоторые газеты утверждают, что в декабре 1935 года никакой германский самолет не прилетал в Осло".

(арх.дело № 13005, т.3, л.д.51)

Как уже отмечалось в справке по делу "антисоветского параллельного центра" органы НКВД в то время располагали и другими материалами, ставившими под сомнение правильность показаний ПЯТАКОВА о его вылете на самолете из Берлина в Осло. В переписке с резидентурой ИНО НКВД в Осло имеются данные о том, что в декабре 1935 года из Германии в Осло никакого самолета не прилетало. Из письма, адресованного быв.зам.нач.СПО НКВД БЕРМАНУ от 12 января 1937 года, в частности, видно, что в результате проверки через норвежскую полицию было выяснено, что в декабре 1935 года на аэродром Осло прилетал один самолет, но не из Германии, а из Дании, причем прилетавшими на этом самолете пассажирами являлись американец Чарльз ГАРРИСОН и немец Георг САГЕР.

Заслуживает в этой связи внимания и сообщение резидента ИНО НКВД из Осло от 1 февраля 1937 года, который сообщал, что норвежский министр юстиции ТРЮГВЕ ЛИ, изъявив готовность помочь в деле разоблачения ТРОЦКОГО, заявил, что он не располагает данными о прилете ПЯТАКОВА в Осло.

(арх.дело № 13005, т.3, л.д.60)

Что же касается показаний ПЯТАКОВА о его встречах с СЕДОВЫМ в Берлине в 1931 и 1932 г.г., то никакими оперативными или иными материалами это не подтверждалось, а СМИРНОВ И.Н., на которого ссылался ПЯТАКОВ, как на организатора его встречи с СЕДОВЫМ, об этом на следствии ничего не говорил.

КРЕСТИНСКИЙ Н.Н. на следствии признал себя виновным в том, что после 1927 года поддерживал непосредственную связь с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ. Как показал КРЕСТИНСКИЙ, осенью 1929 года, проводя отпуск в Киссингене, он с помощью советника полпредства СССР в Берлине троцкиста ЯКУБОВИЧА и при его непосредственном участии встречался с СЕДОВЫМ.

КРЕСТИНСКИЙ с октября 1921 г. до июля 1930 г. являлся полпредом СССР в Германии. Как видно из справки МИД СССР отпуск ему предоставлялся в декабре 1929 г., но выезжал ли он в это время в Киссинген проверить не представилось возможным,

ЯКУБОВИЧ И.С. (в 1941 г. осужден к ВМН) как на следствии, так и в суде категорически отрицал наличие у него преступной связи с КРЕСТИНСКИМ. По этому вопросу он 19 сентября 1941 года показал:

"КРЕСТИНСКИЙ тогда на суде заявил, что я - ЯКУБОВИЧ в сентябре м-це 1929 г. установил антисоветскую связь с сыном ТРОЦКОГО - СЕДОВЫМ и принял его в Берлинском полпредстве СССР. Что об установлении связи с СЕДОВЫМ я якобы сообщил КРЕСТИНСКОМУ по телефону на курорт Киссинген, где в это время находился на излечении КРЕСТИНСКИЙ, и на следующий день после телефонного разговора с КРЕСТИНСКИМ привез к последнему СЕДОВА.

... Показания КРЕСТИНСКОГО о мне я считаю клеветническими..."

(арх. дело № 982313, л.д.38)

На допросах КРЕСТИНСКИЙ также показал, что в октябре 1933 г. во время пребывания в отпуске за границей, он при содействии БЕССОНОВА имел встречу с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ в гор. Меране.

Однако и эти показания КРЕСТИНСКОГО не находят своего подтверждения. В оперативных материалах ИНО НКВД никаких данных о пребывании ТРОЦКОГО и СЕДОВА в Меране не имеется, также нет никаких сведений и о встрече с КРЕСТИНСКИМ.

После опубликования материалов процесса антисоветского "право-троцкистского блока" ТРОЦКИЙ корреспонденту газеты "Нью-Йорк Геральд Трибун" заявил, что он

"... не имел никаких сношений с КРЕСТИНСКИМ, начиная с 1927 г. и не встречался, а также не переписывался с ним непосредственно или через третье лицо.

... он никогда не был в Меране и до получения информации сегодня от своего секретаря не знал, где находится это место..."

(арх.дело № 13005, т.3, л.д.285)

БЕССОНОВ на допросах хотя и подтвердил факт встречи КРЕСТИНСКОГО с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ в 1933 г. в г.Меране, но после осуждения заявлял, что все его показания являются вымышленными.

РОЗЕНГОЛЬЦ на допросах показывал, что в 1933 г. в Фельдене и в 1934 г. в Карлсбаде он встречался с СЕДОВЫМ и получал от него программные директивы ТРОЦКОГО по активизации антисоветской работы.

Однако в архивных материалах б.ИНО НКВД никаких данных о встречах СЕДОВА с РОЗЕНГОЛЬЦЕМ не имеется.

РАДЕК ни на следствии, ни в суде показаний о личных встречах с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ не давал. Не показывали об этом и другие обвиняемые.

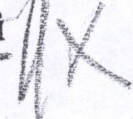
С достоверностью о состоявшейся встрече с СЕДОВЫМ можно говорить только в отношении СМИРНОВА И.Н. Последний на следствии показал, что в 1930 году в Берлине он в одном из магазинов имел непродолжительную беседу с СЕДОВЫМ и об обстоятельствах ее заявил:

"...В процессе нашей беседы Л.СЕДОВ, анализируя положение в Союзе, высказал свое мнение, что в данных условиях только путь насильственного устранения руководящих

лиц в ВКП(б) и Советском правительстве может привести к изменению общего положения в стране. Такая откровенно террористическая установка встретила с моей стороны самый резкий отпор, в результате чего Л.СЕДОВ больше в разговоре к этому вопросу не возвращался.

Я не только не считал этот разговор Л.СЕДОВА директивной для нашей организации в Союзе, но, я повторяю, весь этот разговор я считал и считаю безответственным".
(т.29, л.д. 93-94).

Аналогичные показания об этом дала и опрошенная в 1956 году САФОНОВА, близко стоявшая в прошлом к руководству троцкистской организации и лично к СМИРНОВУ.

Судя по оперативным материалам, не отрицали факт этой встречи и ТРОЦКИЙ, и СЕДОВ.

II. О передаче РОЗЕНГОЛЬЦЕМ и другими денег ТРОЦКОМУ и СЕДОВУ

На следствии и в суде РОЗЕНГОЛЬЦ показывал, что по его указаниям в распоряжение ТРОЦКОГО неоднократно передавались крупные суммы денег в валюте.

В частности, РОЗЕНГОЛЬЦ указал, что по его поручению бывший председатель "Экспортлеса" КРАЕВСКИЙ перевел в 1934 году ТРОЦКОМУ около 300 тысяч долларов.

Кроме того, по показаниям РОЗЕНГОЛЬЦА, также переводил ТРОЦКОМУ валюту и бывш.зам.торгпреда в Берлине ФАЙНШТЕЙН, а сам РОЗЕНГОЛЬЦ, якобы, договорился с германским послом ШУЛЛЕНБУРГОМ о передаче ТРОЦКОМУ в 1935-1937 г.г. от имени фирмы "Бензолфербанд" по 540 тысяч марок ежегодно.

Упомянутые КРАЕВСКИЙ и ФАЙНШТЕЙН в прошлом были арестованы как сообщники РОЗЕНГОЛЬЦА. В настоящее время они полностью реабилитированы, поскольку установлена их невиновность.

В оперативных материалах бывш.ИНО НКВД СССР, занимавшегося разработкой ТРОЦКОГО и СЕДОВА во время пребывания их за гра-

ницей, имевшего агентуру среди ближайшего окружения ТРОЦКОГО, нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о получении ТРОЦКИМ или СЕДОВЫМ крупных денежных сумм.

Напротив, в переписке ИНО НКВД имеются документы, указывающие на то, что ТРОЦКИЙ во время нахождения за границей испытывал нужду в денежных средствах.

Так, в спецсообщении ИНО от 8 июня 1933 года говорилось:

"ИНО ОГПУ получены сведения, что ТРОЦКИЙ в настоящее время находится в крайне тяжелом материальном положении, граничащим с голодом".

(арх.дело № 13005, т.1, л.д.453).

В другом спецсообщении ИНО от 16 октября 1936 года также указывалось о том, что ТРОЦКИЙ за границей нуждался в средствах и приводился текст изъятых оперативным путем из архива ТРОЦКОГО циркулярного письма заграничной троцкистской организации о сборе денег для ТРОЦКОГО.

В циркулярном письме дословно говорилось следующее:

"... финансовое положение Л.Д. заставило нас подумать об его облегчении, попытавшись мобилизовать фонды, которые позволили бы покрывать расходы, которые в действительности должны покрываться не им лично, а нашей международной организацией. К сожалению попытки в этом смысле делавшиеся за последние недели дали лишь крайне слабые результаты: была получена сумма в кронах норвежских 67 от бельгийских товарищей. Это обстоятельство, а с другой стороны и необходимость коллективного контроля над расходованием сумм вызвало у товарищей мысль о том, что необходимо создать специальную комиссию в составе товарищей из различных стран, которая имела бы своей задачей:

- а) вести постоянную работу по мобилизации взносов, которые позволяли бы возмещать нижеперечисленные суммы;
- б) контролировать поступления и расходование последних.

Речь идет о том, чтобы покрывать следующие расходы, произведенные в настоящее время Л.Д. и фактически падающие на нашу организацию:

Приблизительно в месяц:

- 1. Содержание одного товарища, живущего при ЛД в качестве сотрудника и охраны ..... норв.крон 120
- 2. Расходы за марки, телеграммы, канцелярские, подписка на газеты и т.д. .... -" - 150
- 3. Участие в расходах на оплату русской машинистке (за работу, не связанную с его литературной деятельностью)..... -" - 150
- 4. Проездные расходы для смены товарища, если возможно, через каждые 6 месяцев, норв.крон 300, т.е. в месяц -" - 50

норв.крон 470

5. Чрезвычайно важно: Необходимо создать стальной фонд для непредвиденных обстоятельств, требующих принятия чрезвычайных мер, быстрых перемещений и т.п. Одним словом, речь идет о том, чтобы иметь сумму в размере 2000-2500 французских франков в месяц".

(арх.дело № 13005, т.1, л.д.353-536)

В переписке ИНО имеются сообщения и о том, что только из-за отсутствия средств троцкисты не смогли выпустить очередной номер бюллетеня.

Реабилитация КРАЕВСКОГО и ФАЙНШТЕЙНА, данные, свидетельствующие о финансовых затруднениях ТРОЦКОГО, говорят о недостоверности показаний РОЗЕНГОЛЬЦА и опровергают их.

III. О СВЯЗЯХ ЗЕЛЕНСКОГО, ЗУБАРЕВА и ИВАНОВА
с царской охранкой

ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ наряду с проведением антисоветской деятельности обвинялись также в соучастии с царской охранкой. Все они виновными себя в этом признали.

ЗЕЛЕНСКИЙ, в частности, показал, что он был завербован охранкой в 1911 году в г. Самаре.

В суде, изобличая ЗЕЛЕНСКОГО в связи с царской жандармерией, быв. прокурор СССР ВЫШИНСКИЙ оперировал фотокарточками ЗЕЛЕНСКОГО и учетными карточками, заведенными на него в разных жандармских управлениях. Однако, изучение этих документов показывает, что они свидетельствуют не о причастности ЗЕЛЕНСКОГО к охранке, а о фактах его неоднократных арестов и ссылок.

Аргументируя вину ЗЕЛЕНСКОГО, ВЫШИНСКИЙ ссылаясь на некоторые архивные документы оренбургского и саратовского губернских жандармских управлений, из которых якобы вытекало, что сотрудники жандармерии интересовались судьбой ЗЕЛЕНСКОГО, но не обратил внимание суда на другие имевшиеся в деле архивные документы, которые ставили под серьезное сомнение правильность показаний ЗЕЛЕНСКОГО о его вербовке жандармским управлением. В томе № 51 дела "антисоветского право-троцкистского блока" была, например, копия письма начальника 2 отдела самарского губернского жандармского управления, в которой по поводу ареста ЗЕЛЕНСКОГО в 1912 году сообщалось:

"Исаак ЗЕЛЕНСКИЙ является главным деятелем образовавшейся в Самаре социал-демократической группы, имел сношения с границей и подготовлял постановку в Самаре партийного органа, который должен обслуживать также губернии Саратовскую и Оренбургскую..."

Исаак ЗЕЛЕНСКИЙ от дачи показаний отказался..."

(дело № 967582, т. 51, л. д. 17-18).

Такое поведение ЗЕЛЕНСКОГО на допросах и оценка его деятельности руководящим работником самарского губернского жандармского управления никак не вяжется с показаниями ЗЕЛЕНСКОГО о том, что он еще до этого ареста, в 1911 года являлся агентом того же самого жандармского управления.

На судебном процессе во время допроса ЗЕЛЕНСКОГО ВЫШИНСКИЙ оглашал также выдержки из приобщенной к делу копии протокола допроса некоего АВЕРБУХА Лейбы Моисеевича о том, что он в 1913-1916 г.г. из Нарыма получал для передачи в жандармерию донесения от агента охраны Исаака Абрамовича. При этом ВЫШИНСКИЙ делал вывод, что упомянутым Исааком Абрамовичем был ЗЕЛЕНСКИЙ, чего не отрицал и сам ЗЕЛЕНСКИЙ.

В стенограмме судебного заседания по этому поводу записано:

ВЫШИНСКИЙ: Из ссылки посылали письма на имя АВЕРБУХА. Кто такой АВЕРБУХ?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Владелец типографии.

ВЫШИНСКИЙ: И одновременно агент охраны?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Вероятно, да.

ВЫШИНСКИЙ: Если вы на его имя посылали свои письма из ссылки, а он должен был их передавать в охранку, вероятно он был агентом охраны?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Прошу суд удостовериться, что в том же 51 томе на листе 24 содержится протокол допроса арестованного в декабре 1937 года АВЕРБУХА Лейбы Моисеевича. Это он?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Я сказал, что имени его не знаю.

ВЫШИНСКИЙ: "Я имени его не знаю". Но АВЕРБУХ есть АВЕРБУХ?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Полагаю, что это тот самый.

ВЫШИНСКИЙ: И вот АВЕРБУХ показывает: "Кроме этого, мой адрес использовался самарским жандармским управлением, агентами жандармского отделения, находящимися даже в ссылке. Помню, через меня шли донесения некоего Исаака Абрамовича, находящегося в ссылке". Это вы?

ЗЕЛЕНСКИЙ: Полагаю, что так.

ВЫШИНСКИЙ: "Его письма я передавал в жандармское управление". Вопрос: "Персонально кому вы передавали письма Исаака Абрамовича?" Ответ: "Фамилию лица я не помню". Вопрос: "Сколько писем вы передали?" Ответ: "Все-го с 1913 по 1916 год я передал четыре - пять писем в жандармское управление".

ЗЕЛЕНСКИЙ: Я с 1913 по 1916 год не был в Нарьме.

ВЫШИНСКИЙ: Это не только вас касается, могли быть письма и от других. А то, что касается, вас, это факт?

ЗЕЛЕНСКИЙ. Факт".

(суд. отчет стр. 289-290).

Проверкой установлено, что ВЫШИНСКИЙ на судебном процессе пользовался сфальсифицированной копией протокола допроса АВЕРБУХА, который в действительности ничего компрометирующего о ЗЕЛЕНСКОМ не показывал. В подлиннике протокола допроса АВЕРБУХА говорится, что он в 1913 г. получил из Сибири от некоего Исаака Абрамовича ХОРОШ письмо с вложенным в него конвертом и запиской, содержащей просьбу передать конверт в самарское губернское жандармское управление.

В копии же протокола допроса фамилия ХОРОШ была пропущена, а оставлено только имя и отчество - Исаак Абрамович. Там же были допущены и другие искажения. Так, в копии протокола допроса АВЕРБУХА, который приобщен к делу ЗЕЛЕНСКОГО и служил доказательством его вины, указывается:

"Исаака Абрамовича, по фамилии ЗЕЛЕНСКОГО я не знаю. Мне известен по письмам, пересылаемым в жандармское управление, Исаак Абрамович, фамилию которого я не знаю, лично с которым не знаком, письма от которого я получал и передавал в жандармское управление".

(арх. дело № 967582, т. 51, л. д. 25)

В подлиннике же протокола допроса АБЕРБУХА эта часть его показаний изложена так:

"Исаака Абрамовича по фамилии ЗЕЛЕНСКИЙ я не знаю. Мне известен по работе в жандармском управлении Исаак Абрамович ХОРОШ, письма от которого я получал и передавал в жандармское управление".

(арх.дело № 637458, л.д.19).

При проверке также выяснилось, что АБЕРБУХ был арестован в 1937 году НКВД Таджикской ССР на основании телеграммы, поступившей из НКВД СССР, предписывающей взять его под стражу, поскольку ЗЕЛЕНСКИЙ дал о нем показания, как об агенте жандармерии. На следствии АБЕРБУХ вначале виновным себя ни в чем не признавал, в связи с чем, как пояснил быв.сотрудник органов НКВД НАБАТНИКОВ, допрашивавший АБЕРБУХА, он был подвергнут избиению. После избиения АБЕРБУХ подписал показания о том, что он якобы сотрудничал с самарским губернским жандармским управлением. Однако и при этом он о ЗЕЛЕНСКОМ ничего компрометирующего не сообщил. Это несомненно и побудило приобщить к делу ЗЕЛЕНСКОГО сфальсифицированную копию протокола допроса, а самого АБЕРБУХА расстреляли по решению Тройки НКВД Таджикской ССР.

В Центральном государственном историческом архиве, где сосредоточены материалы о лицах, сотрудничавших с царской жандармерией, данных о связи ЗЕЛЕНСКОГО с каким-либо жандармским управлением не имеется.

По данным Исторического архива, обвиняемый ЗЕЛЕНСКИЙ в 1908 году арестовывался в г.Саратове по обвинению в принадлежности к РСДРП и выслан в гор.Оренбурге, а затем в Пензе ЗЕЛЕНСКИЙ разрабатывался жандармерией, а в 1910 году был выслан в Самару под гласный надзор полиции. В 1912 году он был арестован и выслан в Нарымский край на 3 года. В 1913 году ЗЕЛЕНСКИЙ бежал из ссылки в связи с чем был об'явлен в розыск. Факт об'явления ЗЕЛЕНСКОГО в розыск также мало совместим с его "признанием" о причастности к охранке.

В 1915 году ЗЕЛЕНСКИЙ был вновь арестован за принадлежность к РСДРП и выслан на три года под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию.

ЗУБАРЕВ на следствии и в суде показал, что к сотрудничеству с царской полицией он был привлечен в 1908 году в гор.Котельниче приставом ВАСИЛЬЕВЫМ.

При рассмотрении в суде дела "антисоветского право-троцкистского блока" был допрошен овидетель ВАСИЛЬЕВ, являвшийся в 1907-1910 г.г. полицейским приставом в гор.Котельниче, который показал, что в 1908 году он арестовал ЗУБАРЕВА за революционную деятельность и привлек его к сотрудничеству с полицией.

В суде ВАСИЛЬЕВ ЗУБАРЕВА не опознал. Сам же ЗУБАРЕВ на вопрос ВЬШИНСКОГО, этот ли ВАСИЛЬЕВ был лицом, завербовавшим его в качестве агента, - ответил:

"Так как прошло 30 лет, мне трудно сейчас вспомнить, но кажется, что этот... Не отрицаю".

(суд.отчет стр,139).

Проверкой по государственным архивам никаких данных о связи ЗУБАРЕВА с царской полицией не обнаружено.

ИВАНОВ на следствии и в суде показал, что в 1911-1916 г.г. он являлся агентом царской охранки, сотрудничал с тульским и московским губернским жандармскими управлениями и занимался провокаторской деятельностью.

Однако, документов о связи ИВАНОВА с царской жандармерией в государственных архивах не имеется. Напротив, в Центральном государственном историческом архиве имеются данные, свидетельствующие о том, что ИВАНОВ в 1916 году арестовывался охранкой за участие в студенческой сходке.

1У. О связях БУХАРИНА с эсерами
(показания СЕМЕНОВА)

На предварительном следствии БУЛАРИН показал, что выполняя решение право-троцкистского центра он поручил бывшему руководителю боевых эсеровских групп СЕМЕНОВУ установить от его имени контакт с лидерами эсеров и договориться о совместной борьбе с руководством партии и советского правительства. Далее БУХАРИН утверждал, что СЕМЕНОВ, по его заданию, организовал ряд террористических групп, которые были готовы по первому сигналу совершить теракты против руководителей партии.

Эти показания, положенные, в свое время, наряду с другими в основу обвинения БУЛАРИНА должны быть отвергнуты, как не соответствующие действительности.

Как установлено проверкой СЕМЕНОВ Г.И., 1891 г.р. являлся с 1906 по 1915 г. анархистом-коммунистом, затем примкнул к эсерам, в 1921 г. был принят в ряды РКП(б) и состоял в партии до 16 июля 1937 г.

В 1922 г. во время процесса по делу ЦК правых эсеров СЕМЕНОВ был также привлечен к суду и входил в состав так называемой 2-й группы обвиняемых, т.е. лиц, которые еще до предания суду порвали свои связи с партией эсеров и перешли к большевикам, а на процессе давали показания, изобличающие эсеров в контрреволюционной деятельности. Первая группа подсудимых называла вторую, в которую входил СЕМЕНОВ, провокаторами. Суд приговорил СЕМЕНОВА к расстрелу, но сразу же после процесса он был освобожден из-под стражи и направлен на ответственную работу.

Учитывая, что лидеры эсеров считали СЕМЕНОВА провокатором версия о том, что правые могли через него связаться с нелегальным ЦК партии эсеров является сама по себе не жизненной.

Будучи арестованным в 1937 г. СЕМЕНОВ показал, что с БУХАРИНЫМ он познакомился в 1922 г. в связи с тем, что последний выступал защитником на процессе правых эсеров в 1922 г.

В период подготовки процесса правых эсеров БУХАРИН, как это видно из материалов дела, являлся членом комиссии ЦК партии по руководству следствием и процессом. БУХАРИН в числе других действительно выступал защитником 2-й группы арестованных, но было это сделано по указанию ЦК и речь БУХАРИНА в суде по существу являлась не защитительной, а обвинительной против партии эсеров и 2-го интернационала.

Из архивно-следственного дела на СЕМЕНОВА за 1937 год усматривается, что в течение 4-х месяцев нахождения под стражей он категорически отрицал свою причастность к контрреволюционной деятельности после 1920 г. и утверждал, что с 1930 г. с БУХАРИНЫМ не встречался. Однако позднее СЕМЕНОВ подписал показания о том, что он, якобы, был связан по преступной деятельности с БУХАРИНЫМ, и по заданию последнего организовывал террористические группы и проводил подготовку терактов против товарищей СТАЛИНА И.В., МОЛОТОВА В.М., ВОРОШИЛОВА К.Е. и других членов Политбюро.

Впоследствии СЕМЕНОВ от этих показаний отказался, как от вымышленных, и заявил, что ни в какой контрреволюционной организации он не состоял и антисоветской деятельностью в последние годы не занимался. Давая такие показания СЕМЕНОВ в то же время подтверждал, что в свое время был активным эсером и участвовал в организации убийства ВОЛОДАРСКОГО и покушении на В.И.ЛЕНИНА.

8 октября 1937 г., в соответствии с приговором Военной Коллегии Верховного суда СССР, был расстрелян.

У. О связях НИКОЛАЕВА Д.В. с иностранными консульствами в Ленинграде

На предварительном следствии и в суде НИКОЛАЕВ показал, что по заданию ШАТСКОГО и БОТОЛЬНОВА он в конце сентября 1934 года установил преступную связь с латвийским консулом в Ленин-

граде, с которым встречался три или четыре раза в помещении консульства и от которого, якобы, получил на нужды контрреволюционной зиновьевской организации 5000 руб., из которых 500 руб. оставил себе, а остальные передал КОТОЛЫНОВУ.

НИКОЛАЕВ также показал, что помимо этого он пытался связаться с германским и английским консулами в Ленинграде, но что все его попытки в этом отношении окончились неудачей.

Анализ материалов предварительного следствия по делу НИКОЛАЕВА, а также данные, добытые в ходе проверки, проведенной в настоящее время, дают основания утверждать, что показания НИКОЛАЕВА о его связи с латвийским консулом не соответствуют действительности.

Еще в процессе предварительного следствия эти показания категорически опровергались ШАТСКИМ и КОТОЛЫНОВЫМ.

В настоящее время в архивах МИД СССР обнаружены документы МИД'а буржуазной Латвии, из которых усматривается, что сразу же после опубликования в печати материалов судебного процесса по делу о злодейском убийстве С.М.КИРОВА и выдворения из Советского Союза латвийского консула в Ленинграде БИССЕНЕКА, МИД'ом Латвии производилось расследование показаний НИКОЛАЕВА о причастности к его преступлению БИССЕНЕКА.

Опрошенный БИССЕНЕК категорически отвергал выдвинутые против него обвинения и утверждал, что он никогда не знал НИКОЛАЕВА, никому никогда 5000 руб. не давал и ни с кем не вел разговоров об установлении связи с ТРОЦКИМ.

Бухгалтер латвийского консульства в Ленинграде Э.АПИНИС заявила:

"По кассовой книге консульства ни до 20 сентября 1934 г., ни позже (в октябре или ноябре) не проведена ни одна квитанция на сумму 5.000 червонцев, ни по статье ремонта, ни по какой-либо другой статье.

... Все квитанции, которые в моем присутствии были выписаны мною или же консулом господином БИССЕНЕКОМ в консульстве, или были вручены консульству, немедленно передавались мне, т.к. я веду книги консульства. Никогда через мои руки не проходила квитанция на сумму 5.000 червонцев, подписанная НИКОЛАЕВИЧ".

На основании проведенного расследования МИД Латвии доложил президенту республики, что обвинения, выдвинутые на процессе против их консула неправильны.

Бывший министр иностранных дел Латвии МУНТЕРС В.Н., допрошенный 27 июля 1956 года показал, что после выдворения из СССР, консул БИССЕНЕК в беседах с ним заявлял, что НИКОЛАЕВ его оклеветал.